

Большой театр поворачивался к петербургской публике на веселой фруктовой ноте Сергея Прокофьева

Чаша Грааля и апельсиновый сок

Большой и Мариинский театры
завершили обменные гастроли

Итоги выступлений Большого театра оценивают петербургские критики

Кира Верникова: Оказывается, обменные гастроли — финальное мероприятие праздничной 850-летия Москва-Петербург скоро стучит 300, и с Мариинской сценой было публично обещано, что через пять лет театры опять обменяются в честь круглой даты. Любовь к трем апельсинкам в качестве последнего аккорда гастролей оказалась безупречна: ни один другой спектакль не звучал столь убедительно, что show must go on, как шоу Оска Шейндера с музыкой Прокофьева. Если многое, что можно сказать о театре, сказано в самой пьесе, логично переключиться на какое-нибудь другое искусство. Продолжаем заниматься в сфере музыки: банально оставаться радости для глаза. Исполнители мизансцен Питера Устинова представляют профессиональный текст аккуратно и с видными удовольствиями, но подлинный сюжет развивается на языке форм и цвета. Ни один другой театр не мог бы предоставить такого простора фантазии художника — огромной сцены и несметной толпы, которую надо одеть. Сценическая эстетика обложка в нескольких измерениях, и происхождение персонажей, населяющих эту территорию, самое пестрое: они явились с подиума модного дома, из кукольного музтеатра, ярмарки, толкиенинских сказочек, олимпиадской церемонии. Ради исторической достоверности добавлены узнаваемые детали авангарда 1920-х годов. Переменяйте, дискрипте в черный и белый, добавляйте пятна огненных цветов — и зритель знает: ему есть на что посмотреть. «Александра» демонстрирует космополитическую перспективу для труппы Большого театра: нестандартный репертуар плюс сильная индивидуальность авторского начала (будь то музыкальная интерпретация, режиссура, дизайн — нужно подчеркнуть).

Нора Потапова: Гастролившая афиша Большого составила удачно: в конце недели — олимпийские спектакли. Еще раз убеждает, что настоящая режиссура пробуждает к жизни музыкальный театр. «Ориентская дьва» 1990 года выглядит сегодняшним спектаклем. Соотношение мощи сценической композиции, выразительности интонации с музыкальной мощью и строго регламентированной архитектурой символически хоронит звучание отменно. Дирижер Андрей Чистяков показал себя мастером масштабных форм. По-прежнему впечатляет не менее М. Липина только строилась с труднейшей партией Нюны, не более. Пожалуй, один С. Муравьев (Лавинья) показал содержательный и красивый вокал.

«Любовь к трем апельсинкам» — спектакль, не рассчитанный на сопереживание, но заласкавший блестящими трюками, неожиданными, экстравагантными. В нем есть все, что любила озорная Прокофьева, кроме малой доли лиричности. Она ушла на задний план, и думаю, опять же из-за вокала — хотя нельзя не признать, что С. Трифанова (Принцесса Нинетта) очаровательна и обаятельна и ценна. Но лучше всего в спектакле — масса: по симулятам, по остроте пластики, по контрастности цвета. И по той стилистической иронии, которая связывает представление с молодой советской культурой, вышедшей в своем арсенале Малевича, Дейнеку, Мейерхольда. Петер Феранец представил слаженный оркестр, небезупречный по интонированию дуэтов и тонкости интонирования струнных, но в целом весьма достойный.

Николай Райков: Прокофьевскую «Любовь к трем апельсинкам» не раз сравнивали с Бомарше и пампаноном. И впрямь, когда театр боник, когда никогда знаменитая женщина переживает смену пожеланий, художественных ориентиров и рождаются, нет лучшего лекарства от оперной рутинки, от зрительской злостью на оперу Но... Режиссер чересчур буквально «воплотил» (слышим много плагиат), слишком разжевал сценические метафоры. Художник зачем-то усталая, «обеременная» персонажкой обоим глаз. Как следствие — легковесность (по слову Прокофьева) опера оказалась временами чрезмерно утяжелена. В спектакле совсем неточна, быть может, связь глазами и для Вады, и для Прокофьева тема — пародия на театральные штампы, добродушная усталость над вымученной. Из исполнителей выделяю В. Маторина (Король Трэф), В. Войнаровский (Пруффальдо), Ю. Веденеева (Леандр), В. Кирюсю (Мушкетер). Оркестр (дирижер Петр Феранец) показался более собранным и точным, острым, ритмически более устойчивым, нежели в других спектаклях Большого. А впрочем (и слышное) удовольствие, с которым пели — молодые и маститые — звучат в гонимой музыке Прокофьева, может служить залогом подражания последователям XX века на афишу Большого театра.

Михаила Балакирева Спектакль, который за последние гастроли в Петербурге, выглядел исключительно праздничным: саживание на сцене резонировало искреннему восторженному публики. Мне же спектакль понравился не во всем. Музыкальная сторона его на должном уровне, и Петер Феранец изрядно со свойственной ему легкостью импровизировал ритмическую импульсивность, пожелания — более точное воспроизведение текста певцами.

Недостало в спектакле... юмор: так как львиная доля усилий Устинова и Шейндера ушла на организацию «веселого зюса», осталось мало энергии на работу актеров. Даже такие превосходные солисты, как Владимир Маторин и Владимир Войнаровский, не блещут.

Тем не менее гастроли в целом — событие. Есть украинская поговорка: «Дай ові — дай серце»: трудно любить не обманя. За двадцать два года перерыва возникло новое поколение меломанов, знающих о Большом лишь понаслышке: практика свидетельствует, что разговоры о безнадёжном кризисе главного театра страны сильно преувеличены, проблем же много. Одно из главных — необходимость лидеров, больших художественных личностей, готовых родить и осуществлять большие творческие идеи. Необходим современный репертуар: самой молодой из пришедших москвичами опер — 80 лет (это, впрочем, проблема обеих трупп). Хочу верить, что пора разобщения, противопоставления, соперничества двух театров миновала, как и декларируют их руководители. Мирное творческое сотрудничество будет выигрыш русской опере и мировому искусству.

Подготовила КИРА ВЕРНИКОВА.

НАДЕЯ ТЕРЕНЦОНОВА

Итак, оценки критиков в основном исполнены благодушием. Это должно лишить Большому театру тем более потому что высказаны они петербуржцами, у которых есть с чем сравнить московскую оперную труппу. Рисую лишь предполагать, что в данном случае «разговоры о безнадёжном кризисе главного театра страны» оказались на руку гастролерам: Большой театр продемонстрировал в Петербурге больше, чем от него ожидали. С Мариинским театром ситуация обратная: московская публика видела в гостях всемерно прославляющую труппу, символизировавшую новую Россию, а московская критика (да и не только критика) как раз разошлась в последние годы судить «Красной стрелой» на вечерок в Мариинский. Поэтому труппу Петербурга мы оценивали по мере, заданной по же самой в лучшем состоянии — пусть кто-то и видел вочном.

Выступления Мариинского театра в Москве завершались на достойном уровне. Наталья Пубкина на «Парсифале» и «Отпетый ангел» испустила начало гастролей, а на симфоническом концерте Большого зал консерватории был забит до потолка. Брамы в варианте Бернса итальянским не называть (хотя превратить Вторую симфонию в четыре оперных картины надо уметь, а строгие классические канони от нас никуда не денутся) — зато для опер Вагнера и Прокофьева лучшего жюри не придумаешь. «Парсифаль» в Москве пролет несколько суше и тише, чем на премьере и чем на «Взвездная балка ночей» в Петере (но, как говорят коллеги, много лучше, чем тогда, когда его смотрело жюри «Золотой маски»), сохранив, впрочем, свой божественный ритм и ощущение священной вышности происходящего. Мистика другого рода — сладостно-болеминскую, продирающую расщелинами царями — источник «Отпетый ангел», отмеченный по театральной форме. Самые бурные овации удостоилась композиция, в том числе, всю дорогу чертавшая по сцене, — что до солистов, то Лариса Боголепова и даже Николай Пугачев, увы, не достигли блеска премьерной пары Порчакова-Лейферку.

Если бы меня попросили назвать три открытия, которые прошедшие гастроли подарил Москве, я бы выбрал вот кого: 1. Левандия Безубекова, оперный бас труппы, волею судьбы и экономий артист, волею судьбы и экономий артист, волею судьбы и экономий артист, волею судьбы и экономий артист. 2. Николай Пугачев, уставший и конду от неидеальной натурой, но все же сполна отработав роль премьер-баритона, изрядно забыв про отсутствие тенора и премьерных теноровых партий. 3. Млада Дудова, молодая певица, вышедшая на сцену второй раз в жизни и снискав Селгу в «Воланде» так, что наши московские рыла до сих пор разлупили, как корабельные трюмы.

ПЕТР ПОСПЕЛОВ